

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУКОВОДСТВА СОВЕТСКОГО СОЮЗА С РУКОВОДСТВОМ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ КАК С ПОТЕНЦИАЛЬНЫМ СОЮЗНИКОМ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

А. А. Вербицкий, А. В. Пелогейко

В статье рассматриваются отношениям с Соединенными Штатами Америки как с потенциальным союзником. Точной отсчета можно считать письмо И. В. Сталина, направленное в ноябре 1939 г. президенту Ф. Рузвельту. Советско-американские отношения с начала 1941 г. Предвоенные события, взаимосвязи советской военной политики и международного положения, дипломатической борьбы и деятельности разведки по обеспечению безопасности страны, причин запоздалого приведения войск приграничных округов в боевую готовность.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советское руководство, Соединенные Штаты Америки, Англия, Франция, переговоры, Сталин, Рузвельд, Черчилль.

Особую важность для руководства СССР имели контакты с Соединенными Штатами Америки, рассматривавшимися в качестве вероятного партнера. Отправной точкой можно считать послание И. В. Сталина, направленное в ноябре 1939 года президенту Ф. Рузвельту, в котором советский лидер выражал уверенность в том, что установление мира является достижимой целью благодаря совместным усилиям их стран [1]. Посыпая это обращение, Сталин, вне всякого сомнения, принимал во внимание состоявшийся несколькими месяцами ранее разговор Рузвельта с полпредом Уманским. В своем отчете Молотову Уманский детально описал эту беседу, отметив, что американский президент демонстрировал глубокую озабоченность нарастающей угрозой крупного военного конфликта в Европе и на Дальнем Востоке. По словам посла, Рузвельт откровенно высказывал мнение, что политика дальнейшего умиротворения агрессоров для Великобритании более невозможна, и выражал личную заинтересованность в успешном завершении московских переговоров, направленных на создание единого демократического фронта. При этом президент указывал на необходимость решения двух ключевых вопросов для улучшения двусторонних отноше-

ний: окончательного закрытия проблемы довоенных долгов и демонстрации американскому обществу признаков демократизации в советской политике, что, по его мнению, способствовало бы идейному сближению двух государств [2]. Войненный конфликт между СССР и Финляндией серьезно осложнил советско-американские отношения.

США ввели так называемое «моральное эмбарго» – по сути, запрет на торговые операции с СССР, оказывали Финляндию финансовую и гуманитарную поддержку, активно выступали на ее стороне в международных организациях. Однако дипломатические контакты между США и СССР в это время не были абсолютно разорваны и сохраняли элементы диалога. Об этом, в частности, свидетельствует запись в дневнике В. М. Молотова, где он подробно излагает содержание своей беседы с послом США в Москве Л. Штейнгардтом 1 февраля 1940 г. Американский дипломат, задав вопрос о перспективах урегулирования советско-финского противостояния, подчеркивал, что Рузвельт является единственным президентом со времен революции, кто по-настоящему дружественно настроен к Советам, и, вопреки давлению общественного мнения, отвергал призывы к разрыву отношений. Отвечая на озабочен-

ность Штейнгардта по поводу суверенитета Финляндии, Молотов дал понять, что СССР не боится Финляндии как таковой, но рассматривает ее в контексте большой европейской войны как потенциальный плацдарм, опасный для советской безопасности. При этом он категорически заявил, что у Советского Союза нет и не было намерений лишать Финляндию ее независимости [3]. В процессе этой беседы советская сторона впервые обозначила, что считает Т. О. Паасикиви приемлемой фигурой для поста главы финского правительства, что косвенно сигнализировало о готовности Москвы отказаться от поддержки марионеточного «народного правительства» Куусинена. Этот шаг можно расценивать и как признание со стороны СССР того, что США обладают реальным влиянием и могут выступать в роли посредника для начала мирных переговоров.

Подписание мирного договора с Финляндией, поражение Франции и англо-французской коалиции, изменившее баланс сил на европейском континенте в пользу Германии, а также углубление американо-японских противоречий содействовали развитию позитивной тенденции в советско-американских отношениях. В апреле 1940 г. стартовали регулярные встречи, по сути, переговоры между США и СССР, которые со стороны Америки в основном вел заместитель госсекретаря США С. Уэллес, а со стороны СССР – К. А. Уманский. В Москве возникавшие вопросы обсуждали по большей части В. Молотов и Л. Штейнгардт. Камнем преткновения стала проблема Прибалтики. В Эстонии, Латвии и Литве под нажимом Москвы к власти пришли лояльные ей правительства. В августе 1940 г. по итогам состоявшихся выборов эти республики были инкорпорированы в состав СССР. На их территории был создан Прибалтийский особый военный округ. В отличие от Великобритании правительство США крайне негативно оценило эти события и осудило их. Однако предпринятое им экономическое контрдавление, выразившееся

в блокировании договорных поставок в СССР промышленного оборудования, не принесло Вашингтону желаемого результата и не заставило Москву пересмотреть свою политику. В ходе одного из дипломатических контактов посол Штейнгардт даже образно заметил, что если бы СССР захотел приобрести в США потребительские товары, например, несколько миллионов пальто, то он получил бы их практически мгновенно, намекая на избирательность эмбарго [4]. Министр финансов Г. Моргентау в разговоре с Уманским прямо указал, что все вопросы, связанные с военными заказами, находятся исключительно в компетенции Госдепартамента, куда и следует направлять все официальные запросы [5]. В своих беседах с советскими представителями Л. Штейнгардт, с одной стороны, убеждал их, что действия СССР в Польше, Бессарабии и Прибалтике серьезно подорвали симпатии американской общественности, но, с другой стороны, констатировал, что после падения Франции в Вашингтоне произошел коренной пересмотр взглядов в сторону большего реализма. Он утверждал, что новая обстановка благоприятствует улучшению советско-американских отношений, и сообщал, что США уже дали добро на вывоз большей части закупленного оборудования, разрешили фрахт своих судов и были готовы решить вопросы с поставками бензина и вагонных осей, ожидая встречных шагов от Москвы [6]. Советский Союз, в свою очередь, внимательно отнесся к позиции правительства США, выраженной по поводу Тройственного пакта. Москва приняла к сведению, что Вашингтон считает соглашение между Германией, Италией и Японией, заключенное 27 сентября 1940 г., фактором, усиливающим опасность для всех нейтральных стран, и надеется, что государства, не входящие в этот альянс, воздержатся от любых соглашений с его участниками [7]. Учитывая предстоящие в начале ноября президентские выборы (Ф. Рузвельт был избран на третий срок),

советское руководство проигнорировало настойчивые требования Берлина опубликовать официальное коммюнике о предстоящем визите Молотова до дня голосования. Вместо этого был сделан неординарный по тем временам жест: Вашингтону было сообщено о согласии на открытие американского консульства во Владивостоке, что было рискованным, но конструктивным шагом на фоне обострившихся американо-японских отношений. Как отмечал в своем послании госсекретарь США К. Хэлл 5 декабря 1940 г., почти одновременно с берлинским визитом Молотова советское правительство начало вести себя более разумно и доброжелательно в решении многих вопросов двусторонней повестки [8].

В наступившем 1941 г. советско-американские отношения медленно, но продолжали улучшаться. В первых числах января правительство США официально уведомило о снятии «морального эмбарго», а затем 21 января, на своей 15-й встрече с Уманским, Уэллес сделал знаковое заявление. Он сказал, что в ситуации, если Советский Союз окажется жертвой агрессии и будет вынужден ей противостоять, он может рассчитывать на помощь со стороны Соединенных Штатов [9]. Достижение конкретных договоренностей в ходе советско-американских переговоров этого периода давалось с огромным трудом, им мешали взаимные подозрения и зачастую необоснованные претензии, из-за чего общая атмосфера оставалась напряженной. Тем не менее, объективная тенденция к сближению, продиктованная растущей угрозой со стороны стран «оси» как для СССР, так и для США, постепенно пробивала себе дорогу. Большая личная заслуга в этом принадлежала президенту Рузвельту, который, по свидетельствам, давно придерживался взгляда, что политика Советского Союза диктуется скорее национальными, а не коммунистическими интересами, и носит прагматичный, а не идеологизированный характер.

Следует отметить, что некоторые аналитические оценки, которые давал ситуацию посол Штейнгардт, несмотря на его личное неприятие советского режима, помогали Рузвельту формировать более объективную картину происходящего. В своем донесении в Вашингтон от 2 октября 1940 г. Штейнгардт указывал, что главной ошибкой дипломатии сначала союзников, а затем и Англии, была постоянная попытка подтолкнуть СССР к таким действиям, которые несли в себе высокий риск военного столкновения с Германией. Он подчеркивал, что единственной целью советской политики, по его пониманию, является любыми средствами избежать войны, и что чем дольше Германия и Япония будут втянуты в другие конфликты, тем лучше для СССР [10]. Известно также, что Штейнгардт в частных беседах с советскими дипломатами критически отзывался о Уэллесе, характеризуя его как человека негибкого и чрезмерно упрямого [11].

Советская дипломатия, в свою очередь, в целом верно оценивала расклад политических сил в США. Однако ее собственной позиции часто не хватало гибкости. Уманский и Уэллес, как отмечается в документах, не смогли наладить личный контакт и испытывали взаимное недоверие, что крайне негативно сказывалось на динамике переговоров. В своих донесениях в Москву Уманский выражал мнение, что Уэллес внутренне симпатизирует более враждебному по отношению к СССР крылу американского истеблишмента, занимая промежуточную позицию между сторонниками сближения и откровенно антисоветски настроенными кругами [12]. Но по мере нарастания угрозы войны это личное противостояние отошло на второй план.

Последующие события разворачивались в обстановке, когда Москва получала из разных источников сведения о том, что Германия приняла принципиальное решение о нападении на СССР и сосредотачивает для этого крупные группировки войск у советских границ.

Параллельно, к сожалению, советскому руководству без должной критической проверки поступала дезинформация от немецкой агентуры, внедренной в разведку. Эта агентура пыталась представить военные приготовления вермахта как часть подготовки к высадке в Великобритании и доказывать полную абсурдность войны на два фронта для Германии. Как позже заключили историки внешней разведки, нацистский рейх целенаправленно пытался спровоцировать СССР на какие-либо ответные действия, чтобы представить его в глазах мира в роли агрессора и тем самым лишить потенциальных союзников [13].

Работая в последние годы с ранее засекреченными архивными материалами, историки разных поколений смогли воссоздать более полную и достоверную картину предвоенных событий. Они глубже исследовали взаимосвязь военно-го планирования СССР и международной обстановки, дипломатической борьбы и деятельности разведслужб, а также причины, по которым войска приграничных округов не были приведены в полную боевую готовность своевременно.

В этом контексте особое значение приобретает инцидент с прилетом 10 мая 1941 г. на Британские острова Рудольфа Гесса. Его самостоятельный перелет и приземление на парашюте вблизи поместья герцога Гамильтона, известного своими прогерманскими симпатиями, вызвало громкий международный скандал. В Москве это событие было воспринято как крайне тревожный сигнал, потенциально свидетельствующий о попытках тайного сговора между Лондоном и Берлином на кануне германского нападения на СССР. Основания для таких подозрений имелись, так как советская разведка годами сообщала о ведущихся в обход СССР англо-германских контактах. Даже полученное вскоре официальное уведомление британского правительства о намерении продолжать войну с Германией не смогло полностью развеять воз-

никшую в Кремле тревогу [14]. Само присутствие такой высокопоставленной фигуры, как Гесс, и его контакты с британскими официальными лицами создавали постоянный очаг неопределенности, учитывая сильное влияние в британском истеблишменте сил, выступавших за сближение с Германией.

В США стратегическая линия Рузвельта, направленная на поддержку СССР в случае германо-советской войны и формировавшаяся им с середины 1930-х годов, сталкивалась с мощным противодействием. Ей противостояли не только политическая оппозиция в лице республиканцев в Конгрессе и влиятельное изоляционистское движение в стране, но и консервативный аппарат собственного Государственного департамента.

Советское посольство в Вашингтоне и разведка в целом адекватно и оперативно информировали центр о сложной внутриполитической обстановке в США. О том, насколько зыбкими были в то время основы для будущего союза, красноречиво свидетельствует один из расекреченных документов Госдепартамента – меморандум от 21 июня 1941 г., посвященный политике в отношении СССР в случае войны с Германией. Ключевая мысль этого документа заключалась в рекомендации воздержаться от любых предварительных обещаний помочь Советскому Союзу. В меморандуме прямо указывалось на необходимость сохранения свободы рук, вплоть до того, чтобы в случае поражения СССР и эвакуации его правительства быть готовым прекратить признавать его дипломатических представителей и работать с правительством в изгнании [15].

Вызывали серьезную озабоченность в Москве и поступавшие в начале 1941 года разведданные о том, что помочь от США и Англии будет предоставлена лишь при соблюдении определенных условий. Сообщалось, в частности, что Рузвельт на закрытом совещании в мае 1941 г. давал понять, что поддержка последует только в том случае, если СССР

не спровоцирует Германию первым, а в противном случае США не станут вмешиваться. На этом фоне миссия Гесса еще более заострила и без того серьезные опасения советского руководства относительно надежности и предсказуемости будущих союзников. Одновременно Москва наблюдала усиление на Западе пропагандистской кампании, представлявшей СССР как государство, одержимое идеей мировой революции и использующее Красную Армию в качестве ее «тарана». Эта кампания, активно подогреваемая немецкой агентурой и подхваченная западной прессой, вынуждала Кремль принимать чрезвычайные меры, чтобы ни одним своим действием не дать повода для обвинений в агрессии и не остаться в изоляции перед лицом нацистской угрозы.

Внешней непоследовательностью можно объяснить те противоречивые распоряжения, которые отдавало советское руководство в последние предвоенные недели и дни, пытаясь, с одной стороны, повысить боеготовность войск, а с другой – избежать провокаций. В свете современных знаний о реальном состоянии советско-английских и советско-американских отношений накануне войны особый смысл приобретает знаменитое сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г. В нем категорически опровергались слухи о подготовке СССР к войне с Германией и подчеркивалось намерение Советского Союза неукоснительно соблюдать положения пакта о ненападении [16]. Этот документ, носивший сугубо дипломатический и зондирующий характер, был адресован не только Берлину, но и западным столицам, с целью прояснить их намерения. (К сожалению, военное командование в приграничных округах не было в полной мере проинформировано об истинных целях этого заявления, что привело к его буквальному толкованию и усилению бдительности.) Далее, в начале июля по личному указанию Сталина в структуре НКВД была создана специальная оперативная группа под руково-

водством П. А. Судоплатова. Ее задачей было не допустить на советской границе инцидентов, подобных глейвицкой провокации, которая послужила Германии предлогом для нападения на Польшу в 1939 году. Лозунг «не дать повода для войны» стал в те последние дни и недели одним из определяющих во всей внешней политике и дипломатии СССР [17]. Stalin лично отменил приказы командования приграничных округов о занятии войсками предполья укрепрайонов и запретил полеты авиации в непосредственной близости от границы. В то же время, демонстрируя противоречивость принимаемых мер, он санкционировал проведение разведывательного облета западной границы, который подтвердил данные о готовящемся нападении [18]. 18 июня, за несколько дней до агрессии, из Генерального штаба все же была направлена директива о приведении войск в боевую готовность [19].

Уинстон Черчилль в своих воспоминаниях пишет, что 15 июня 1941 г. он проинформировал Рузвельта о неизбежности скорого германского нападения на Россию, основываясь на самых надежных разведданных. Он заверил президента, что в случае войны Великобритания окажет СССР всемерную поддержку, исходя из принципа, что главным врагом является Гитлер. Через несколько дней американский посол передал Черчиллю ответ Рузвельта, в котором президент обещал публично поддержать любое заявление британского премьера, приветствующее Россию в качестве союзника [20]. Это принципиальное решение было озвучено Черчиллю 21 июня [21]. Однако в Москве об этой важнейшей договоренности между западными лидерами ничего не знали. Показательной в этом свете является запись в дневнике советского посла в Лондоне И. М. Майского от 21 июня 1941 г., где он описывает, как был срочно вызван из-за города для встречи с Криппсом. Криппс в срочном порядке пытался выяснить, готова ли Москва к сотрудничеству с Англией в случае нападения

Германии или предпочтет действовать в одиночку. Майский, не имея четких инструкций, мог лишь пообещать немедленно запросить указания из центра [22].

До начала войны оставались буквально часы. В ответ на срочный запрос Майский утром 22 июня получил от наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова телеграмму. В ней говорилось, что Советское правительство не возражает против приезда в Москву английских военной миссии и экономических экспертов, если такое предложение действительно отражает официальную позицию Лондона. В документе подчеркивалось, что СССР не намерен принимать помочь безвозмездно и, в свою очередь, готов оказать встречную помощь Англии [23].

События 1939-1941 гг. на протяжении многих десятилетий остаются объектом целенаправленных фальсификаций, искажающих их реальное содержание, причинно-следственные связи и истинные цели участников. При этом замалчиваются агрессивные устремления западных держав, а на Советский Союз возводятся необоснованные обвинения, преследующие цель подорвать международный авторитет современной России. Эта кампания, поддержанная некоторыми отечественными историками и публицистами, достигла нового уровня с принятием 3 июля 2009 г. резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ. По своей сути этот документ возлагает на Россию, как правопреемницу СССР, ответственность за развязывание Второй мировой войны наравне с нацистской Германией. Его текст, составленный с внешней политкорректностью, содержит пространные рассуждения о моральной равнозначности нацизма и сталинизма, предлагает учредить общий день памяти их жертв и делает двусмысленные отсылки к истории холокоста, используя все это как камуфляж для своей главной цели. Под предлогом воссоединения Европы резолюция фактически работает на изоляцию России, сея вражду и недоверие. Как справедливо указано в со-

вместном заявлении палат российского парламента от 7 июля 2009 г., этот документ является прямым оскорблением памяти миллионов советских людей, отдавших жизни за освобождение мира от нацизма [24]. Одной из глубинных причин появления этой резолюции, вероятно, стало рассекречивание в России в 2000-е годы огромного массива документов предвоенной эпохи. Только МИД РФ опубликовал более 1600 ранее не известных документов [25], которые, наряду с материалами из военных архивов, недвусмысленно свидетельствуют: несмотря на отдельные ошибки, внешняя политика СССР с момента прихода Гитлера к власти и вплоть до июня 1941 года была последовательно направлена на создание системы коллективной безопасности в Европе для отражения фашистской агрессии. Эти же документы со всей очевидностью показывают, что правящие круги западных демократий не только стремились уклониться от войны, но и поощряли вооружение Германии, рассчитывая направить ее экспансию на Восток, против СССР. Антикоммунизм служил для них удобным идеологическим прикрытием борьбы за европейскую гегемонию. Именно эти ставшие документально доказанными факты и вызвали к жизни резолюцию ОБСЕ как форму «защитной реакции». В ней вся предвоенная история грубо сводится лишь к советско-германскому пакту, полностью игнорируется сложнейшая международная обстановка того времени и попрание норм международного права, закрепленных впоследствии в уставе Нюрнбергского трибунала.

Теория о равной ответственности СССР за развязывание войны была впервые сформулирована в декларации Гитлера 22 июня 1941 года и затем развита в мемуарах его генералов и трудах первых неонацистских историков в Германии. Однако консолидированного фронта у западных парламентариев и академического сообщества не получилось. На Западе всегда существовала

влиятельная школа историков, сохранившая независимость суждений. Так, британский журналист С. Милайн в своей статье в «Гардиан» от 9 сентября 2009 г. прямо заявил, что подобное переписывание истории отравляет климат в Европе, бессмысленно и опасно, так как реабилитирует нацизм. Он напомнил, что решающий вклад в разгром Гитлера был внесен Советским Союзом ценой 25 миллионов жизней, и поддержал позицию российского президента, назвавшего сравнение нацизма и сталинизма циничной ложью.

Резолюция ОБСЕ стала частью более широкой кампании по ревизии истории Антигитлеровской коалиции. Ее пытаются представить как «ошибку», а решения «Большой тройки» – как нелегитимные. В рамках этой кампании

подвергаются нападкам Рузвельт и Черчилль за сотрудничество со Сталиным, а воинов-освободителей Красной Армии пытаются изобразить оккупантами. В этот постыдный процесс включились и высокопоставленные политики, как, например, Джордж Бушмладший, который в 2005 году в Латвии поставил в один ряд Мюнхенский сговор, пакт Молотова-Риббентропа и Ялтинские соглашения.

Расчеты советского руководства в предвоенные годы избежать военного столкновения с нацистской Германией, в конечном счете, не оправдались. Однако, несмотря на все противоречия и взаимное недоверие, общая угроза со стороны стран «оси» заставила СССР, Великобританию и США преодолеть разногласия и создать Антигитлеровскую коалицию.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП). Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2199. Л. 249–250.
2. Документы внешней политики (далее – ДВП). Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 524-525.
3. АВП. Ф. 06. Оп. 2. П. 24. Д. 295. Л. 2 -6.
4. АВП. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 7361. Л. 44.
5. АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 236. Л. 328.
6. АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2202. Л. 56-57.
7. АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2202. Л. 84–87.
8. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1940. Vol. I. P. 678.
9. АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 236. Л. 86-87.
10. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1940. Vol. I. P. 616-617.
11. АВП. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 35. Л. 173.
12. АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 361.
13. Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 17.
14. ДВП. Т. 23. Кн. 2. Часть 2. С. 690.
15. Москва – Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля 1920–1941. Т. 3. М., 2009. С. 719 -720.
16. Известия. 14 июня 1941 г.
17. Кондрашев В. Знать все о противнике... М., 2010. С. 90—93.
18. Мартиросян А. 200 мифов о Великой Отечественной войне. Т. 3. М., 2008. С. 125-130.
19. Ямпольский В. ...Уничтожить Россию весной 1941 г. ... М., 2009. С. 509.
20. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. III. М., 1995. С. 362, 363.
21. Gilbert M. The Churchill War Papers. Vol. 3. 1941. L., 2000. P. 832.
22. Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Кн. 2, ч. 1. М., 2009. С. 413.
23. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. 1. М., 1983. С. 47.
24. Российская газета. 8 июля 2009 г.
25. ДВП. 1939 год. В 2 кн. М., 1992; ДВП 1940 - 22 июня 1941 г. В 3 кн. М., 1995, 1998.

Вербickий Александр Анатольевич – к.в.н., старший научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), verbicki@yandex.ru

RELATIONS BETWEEN THE LEADERSHIP OF THE SOVIET UNION AND THE UNITED STATES OF AMERICA AS A POTENTIAL ALLY IN THE PRE-WAR PERIOD

A. A. Verbitsky, A. V. Pelogeiko

The article examines relations with the United States of America as a potential ally. A starting point for these relations can be considered the letter sent by J. V. Stalin to President F. Roosevelt in November 1939. The article analyzes Soviet-American relations from the beginning of 1941, pre-war events, the interconnections of Soviet military policy and the international situation, diplomatic struggles, and intelligence activities aimed at ensuring the country's security, as well as the reasons for the delayed alerting of troops in the border districts to combat readiness.

Keywords: World War II, Soviet leadership, United States of America, England, France, negotiations, Stalin, Roosevelt, Churchill.

References

1. Arkhiv vneshnej politiki Rossiijskoj Federatsii (dalee – AVP) [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (further – AVP)]. F. 059. Op. 1. P. 320. D. 2199. L. 249–250. (In Russ.)
2. Dokumenty vneshnej politiki (dalee – DVP) [Foreign Policy Documents (further – DVP)]. Vol. 22. Book 1. Moscow, 1992. pp. 524-525. (In Russ.)
3. AVP. F. 06. Op. 2. P. 24. D. 295. L. 2-6. (In Russ.)
4. AVP. F. 06. Op. 3. P. 4. D. 7361. L. 44. (In Russ.)
5. AVP. F. 059. Op. 1. P. 345. D. 236. L. 328. (In Russ.)
6. AVP. F. 059. Op. 1. P. 320. D. 2202. L. 56-57. (In Russ.)
7. AVP. F. 059. Op. 1. P. 320. D. 2202. L. 84–87. (In Russ.)
8. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1940. Vol. I. p. 678.
9. AVP. F. 059. Op. 1. P. 345. D. 236. L. 86-87. (In Russ.)
10. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1940. Vol. I. pp. 616-617.
11. AVP. F. 06. Op. 3. P. 4. D. 35. L. 173. (In Russ.)
12. AVP. F. 059. Op. 1. P. 345. D. 2361. L. 361. (In Russ.)
13. Sekrety Gitlera na stole u Stalina [Hitler's Secrets on Stalin's Table]. Moscow, 1995. p. 17. (In Russ.)
14. DVP. Vol. 23. Book 2. Part 2. p. 690. (In Russ.)
15. Moskva – Washington. Politika i diplomatiya Kremlja 1920–1941 [Moscow – Washington. The Policy and Diplomacy of the Kremlin 1920–1941]. Vol. 3. Moscow, 2009. pp. 719-720. (In Russ.)
16. Izvestiya. June 14, 1941. (In Russ.)
17. Kondrashev V. Znat' vse o protivnike... [To Know Everything About the Enemy...]. Moscow, 2010. pp. 90-93. (In Russ.)
18. Martirosyan A. 200 mifov o Velikoj Otechestvennoj vojne [200 Myths About the Great Patriotic War]. Vol. 3. Moscow, 2008. pp. 125-130. (In Russ.)
19. Yampol'skij V. ...Unichtozhit' Rossiyu vesnoj 1941 g. ... [...To Destroy Russia in the Spring of 1941...]. Moscow, 2009. p. 509. (In Russ.)
20. Cherchill' U. Vtoraya mirovaya vojna [Churchill W. The Second World War]. Vol. III. Moscow, 1995. pp. 362, 363. (In Russ.)
21. Gilbert M. The Churchill War Papers. Vol. 3. 1941. L., 2000. p. 832.
22. Ivan Mihajlovich Majskij. Dnevnik diplomata [Ivan Mikhailovich Maisky. Diary of a Diplomat]. Book 2, part 1. Moscow, 2009. p. 413. (In Russ.)

23. Sovetsko-anglijskie otnosheniya vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 [Soviet-English Relations During the Great Patriotic War 1941-1945]. Vol. 1. Moscow, 1983. p. 47. (In Russ.)
24. Rossijskaya gazeta [Russian Newspaper]. July 8, 2009. (In Russ.)
25. DVP. 1939 god. V 2 kn. [Foreign Policy Documents. The Year 1939. In 2 books]. Moscow, 1992; DVP 1940 - 22 iyunya 1941 g. V 3 kn. [Foreign Policy Documents 1940 - June 22, 1941. In 3 books]. Moscow, 1995, 1998. (In Russ.)

Verbitsky Aleksandr Anatol'evich – Candidate of Military Sciences, senior researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg, Russia), verbicki@yandex.ru

Pelogeiko Aleksandr Viktorovich – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg, Russia), pelogeiko@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 20.05.2025; принята к публикации: 08.09.2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Verbitsky A. A., Pelogeiko A. V. Vzaimootnosheniya rukovodstva Sovetskogo Soyuza s rukovodstvom Soedinennymi SHtatami Ameriki kak s potencial'nym soyuznikom v predvoennyj period // Социогуманитарные коммуникации. – 2025. – № 3(13).– С. 76-84.

FOR CITATION:

Verbitsky A. A., Pelogeiko A. V. Vzaimootnosheniya rukovodstva Sovetskogo Soyuza s rukovodstvom Soedinennymi SHtatami Ameriki kak s potencial'nym soyuznikom v predvoennyj period [Relations between the leadership of the Soviet Union and the United States of America as a potential ally in the pre-war period] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2025. № 3(13). P. 76-84.